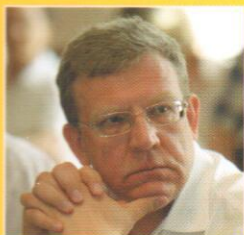
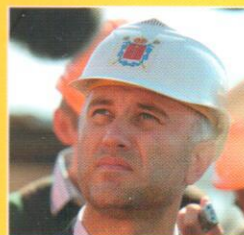

Управление бизнесом

май 2014 (№ 13)

Алексей Кудрин:
Задача – не складывать руки
и не бояться

Марат Оганесян:
Кресло строительного
вице-губернатора весьма жесткое

Михаил Кузовлев:
Стратегия муниципального банка
имеет ряд преимуществ

Николай Кропачев:
Кризис образования –
общая проблема глобализации

Рашид Доминов:
Художники Возрождения
нарушали свои же догмы

Движение по кругу

Ученые подсчитали, во сколько обходится России экономическая несвобода

Участники XIII Леонтьевских чтений проанализировали ход реформ в России и подсчитали: если бы в нашей стране удалось повысить уровень экономических свобод до среднего показателя развитых стран, российский ВВП увеличился бы в разы.

Руководитель Экономической экспертной группы (Москва) Евсей Гурвич констатировал, что повестку реформ в России определяет только одна сторона – власть. Время от времени она организует ни к чему не обязывающие дискуссии с бизнесом. Граждане в этом процессе являются в большей степени объектом, нежели субъектом. В стране нет политических партий, которые представляют интересы разных групп граждан. Участие людей в преобразовании общества сводится к роли электората – сами они не являются активной стороной реформ, а власть беспокоит только реакция на принятые решения. Такая система в управлении приводит к тому, что власть предпринимает реформы, исходя из своего видения главных задач. В этот список помимо экономики входит вопрос политической управляемости и геополитического влияния.

В начале 2000-х годов власть склонялась к корневым реформам, призванным решать базовые проблемы. В частности, предполагалось, что социальные проблемы будут автоматически решаться по мере увеличения темпов роста производства. Поэтому акценты ставились на меры, приводящие к долгосрочному устойчивому росту производства и диверсификации экономики.

Позднее реформы стали склоняться к политической управляемости, геополитическому влиянию и в определенной степени к социальной политике. Главным мотивом проведения преобразований стал политэкономический.

Судьбу наших реформ можно наглядно описать с помощью дорожных знаков.

К группе, обозначающей «движение прямо», Гурвич относит считанное количество наиболее удавшихся реформ, которые поступательно продвигались вперед.

– Такие меры всегда непопулярны, они идут, когда есть политическая воля, и это говорит о том, что главным

приоритетом в 2000-х была экономическая стабильность, – пояснил эксперт. Знаковыми он считает проведение бюджетной и налоговой реформ. В несырьевом секторе налоговая нагрузка была снижена, поэтому большая часть бизнеса поддержала реформу. Нагрузка повысилась, главным образом, в нефтяном и в меньшей степени в газовом секторе. Но тут был политический нюанс.

– На мой взгляд, на тот момент нефтегазовый сектор рассматривался властью как главный политический конкурент (вспомним дело ЮКОСа), увеличение изъятия ренты в этом секторе ослабляло его. Это была экономическая реформа с сильным политическим акцентом, – считает Евсей Гурвич.

Типичный пример реформ под знаком «движение зигзагами» – монетизация льгот. Правительство недооценило реакцию населения, вмешалась политика – компенсации были увеличены, в результате издержки реформы оказались выше запланированных. К группе «реверсивное движение» (изменение движения на противоположное) можно отнести меры по декриминализации бизнеса. Сначала решения были приняты, потом большая их часть была отыграна назад. Близки к этому и реформы, которые можно охарактеризовать как «шаг вперед – два шага назад». Именно такой характер носили попытки провести де бюрократизацию и дерегулирование экономики.

Самый типичный для наших реформ знак – «круговое движение». Наглядный тому пример – судьба административной и пенсионной реформ, мер по таможенному администрированию, а также усилия по изменению межбюджетных отношений.

– Здесь главная проблема – выделение трансфертов. Нужно найти баланс между выравниванием бюджетной обеспеченности и возможным дестимулированием усилий по развитию собственной налоговой базы, – говорит Е. Гурвич. – Это пример мягких бюджетных ограничений.

Проблема характерна для всех стран, но для России она оказалась более острой, даже возникло такое понятие – «переговорный федерализм», когда размеры федеральной поддержки определялись в ходе

переговоров между центром и регионом. С точки зрения экономики это неэффективное управление. Потребовались огромные усилия, чтобы в несколько этапов перейти на рассчитываемую нормативную формулу, но потом шаг за шагом стали от нее отступать. Сейчас большая часть трансфертов выделяется путем переговорного федерализма.

– Это означает приоритетность задачи политической управляемости над экономической эффективностью, созданием стимулов к развитию регионов. Косвенным подтверждением такого преобладания является переход от выборности губернаторов к их назначению сверху. Аналитики Высшей школы экономики вывели закономерность: вероятность переназначения губернаторов коррелируется обратно пропорционально с темпами роста экономики соответствующих регионов, – говорит Евсей Гурвич.

По его мнению, система поддержки инноваций исчерпывающе описывается знаком «тупик». Эксперт усматривает причину провала в том, что предложение доминирует, а спрос никак не учитывается. Создано много институтов поддержки, но не сделано ничего для создания спроса на инновации.

Ну и наглядный пример реформ под знаком «движения нет», заключил эксперт, – это реформа газовой отрасли.

ЦЕНА НЕСВОБОДЫ

Руководитель Лаборатории институционального анализа Экономического факультета МГУ профессор Виталий Тамбовцев напомнил, что факторами экономического роста страны являются экономическая свобода, человеческий потенциал и инновационная активность. По мнению В. Тамбовцева, уровень образования в России остается высоким.

Но тогда возникает вопрос: если мы такие умные, почему такие бедные? По мнению ученого, главным отрицательным фактором наших скромных достижений является низкий уровень экономической свободы. Образование, которое мы получаем, не может

В 2000-х
власть рассматривала
нефтегазовый сектор
как главного
политического
конкурента –
вспомним
дело ЮКОСа

Росту экономик в развитых странах препятствует зарегулированность внутренних рынков

Мареk Домбровский

трансформироваться в производительную деятельность. Это в том числе приводит к тому, что Россия поставляет высококвалифицированную рабочую силу в экономически более развитые страны.

Ученые лаборатории, возглавляемой Виталием Тамбовцевым, в результате проведенных исследований установили, что для стран, богатых ресурсами, высока вероятность слабой защищенности прав собственности и низкого уровня свобод. Обратные примеры единичны. Объединенные Арабские Эмираты провели диверсификацию экономики – там высокий уровень экономической свободы, за последние 10–15 лет доля нефтяного сектора в ВВП страны снижена с 60% до 40%. В России – иная картина.

Ученые также рассчитали, сколько Россия теряет в доходе на душу населения за счет невысокого уровня экономической свободы при существующем уровне образования и расходов на поддержку инноваций. Если бы усилиями государства и гражданского общества удалось повысить уровень свобод до среднего показателя развитых стран, доход увеличился бы вдвое.

– Это и есть цена нашей несвободы. Если бы правительство РФ меняло не формальные параметры правил, а повысило реальный уровень экономической свободы, то валовый национальный доход на душу населения мог бы вырасти кратно, – подвел итог исследований Виталий Тамбовцев.

ЭПОХА ПЕРЕЗАГРУЗКИ

Уже в ближайшие десятилетия мир ожидают серьезные миграционные и социальные изменения. Темпы роста инвестиций снижаются – это общий тренд в мировой экономике. При этом динамика снижения разная – как по географии, так и во времени. Для этого есть объективные причины.

В европейском экспертном сообществе преобладает оптимизм – есть ожидания, что национальные экономики вернуться к докризисному состоянию. Старший научный сотрудник Центра социально-экономических исследований (CASE, Польша) Мареk Домбровский – один из тех, кто скептически относится к подобным прогнозам.

– Действительно, ситуация на европейских рынках спокойнее, чем два года назад, но есть сомнения, что преодолен банковский кризис и кризис государственной задолженности в Европе, – говорит он. – Кроме того, наблюдается неопределенность на рынках развивающихся стран. Есть финансовые проблемы в Индонезии, Аргентине, Венесуэле, неопределенность в Турции.

Несмотря на достаточно беспокойное время и, казалось бы, зыбкость средне- и долгосрочных прогнозов, существуют факторы, позволяющие говорить о некоторых устойчивых общих тенденциях. На мировую экономику, в частности, оказывает давление проблема трудовых ресурсов. В развитых странах и в части стран со средним уровнем жизни уже отмечается демографический кризис. Численность совокупного населения трудоспособного возраста (от 15 до 64 лет) начинает снижаться в Европе. В ближайшие 10–20 лет с такой же проблемой столкнется часть стран Латинской Америки и Восточной Азии, а также Китай.

Нарастающие резервы рабочей силы по-прежнему будут характерны для Африки, Ближнего Востока и Южной Азии (Индия, Пакистан, Бангладеш). В связи с этим неизбежна массовая миграция из регионов с избыточной рабочей силой, что приведет к серьезным социальным изменениям. Вопрос, насколько страны будут к этому готовы, остается открытым. Ввиду экономических и социальных барьеров маловероятно, что эти ресурсы можно будет использовать в полную силу. Это увеличит социальное напряжение в развитых и развивающихся странах.

В некоторых государствах попытаются использовать внутренние резервы – повысить пенсионный возраст, более активно вовлекать в трудовой процесс женщин, но это принципиально не скажется на ситуации с рабочими ресурсами, считает Домбровский.

Кроме того, по мере старения нации ВВП на душу населения начнет снижаться. Не будет способствовать накоплению капитала, который может быть вовлечен в развитие экономики, и растущая государственная задолженность, характерная для стран Европы, США, Японии.

Для стран,
богатых ресурсами,
высока вероятность
слабой защищенности
прав собственности
и низкого уровня
свобод

Виталий Тамбовцев

Сергей Игнатьев

Оборонные расходы РФ значительно выше, чем у членов ЕС и в развивающихся странах, это замедляет экономический рост

Что касается инвестиций, то и здесь общий тренд – снижение. Хотя картина по миру очень сильно отличается. В Японии темпы роста ВВП снижаются, но остаются выше, чем в США. До последнего времени быстро росли инвестиции в развивающихся странах, хотя и в них намечается кризис. При этом статистика показывает снижение инвестиций в материальные активы и рост – в нематериальные. Однако эта статистика не учитывает инвестиции в науку, человеческий капитал, поэтому к данному показателю нужно относиться осторожно, заметил Марек Домбровски.

По его мнению, росту экономик в развитых странах, помимо демографических тенденций, высоких трудовых издержек и неэластичности рынков труда, препятствуют чрезмерная социальная нагрузка, высокие государственные расходы, большой государственный долг и налоги. А также зарегулированность внутренних рынков и нежелание идти на либерализацию торговли. М. Домбровски считает, что пришло время заняться реформой в институциональной сфере.

Список барьеров роста в развивающихся странах длиннее и серьезнее. Здесь и неэффективное государственное управление, и слабое правовое поле, а как следствие – коррупция, организованная преступность, недостаточная защищенность прав, плохой деловой климат, недостаток инфраструктуры, неразвитость финансовых рынков, ограничения для иностранных инвестиций.

ВСЕ ПОД КОНТРОЛЬ

Председатель Наблюдательного совета Сбербанка, советник председателя и член Совета директоров Центрального банка РФ Сергей Игнатьев полагает, что демографическая ситуация уже оказывает серьезное влияние на экономику России. По прогнозам Минэкономразвития РФ, численность населения в трудоспособном возрасте в ближайшие годы будет сокращаться темпом 1,1% в год. Более активное участие лиц пенсионного возраста в экономической деятельности кардинально ситуацию не исправит.

В начале 2000-х
власть склонялась
к корневым реформам,
решала базовые
проблемы, позднее –
к политической
управляемости
и геополитическому
влиянию

– По моим оценкам, эти естественные ограничения на динамику трудовых ресурсов снижают темп прироста ВВП по сравнению с началом 2000-х примерно на 2% в год, – говорит С. Игнатьев.

Следующий фактор, который, по его мнению, в ближайшие годы окажет влияние на динамику экономического роста, – это уровень оборонных расходов. Согласно официальным данным, расходы на национальную оборону в 2013 году уже составили 3,2% ВВП, а в 2016-м увеличатся до 3,9% ВВП.

– Я не специалист в вопросах национальной обороны. Наверное, объем этих расходов соответствует уровню внешних угроз. Но по сравнению с другими странами наши оборонные расходы высоки, – заметил Сергей Игнатьев. – Высокие оборонные расходы отвлекают национальные ресурсы от более производительного использования и являются фактором, замедляющим экономический рост. В европейских странах НАТО «нормальным» считается объем военных расходов в размере 2% ВВП, но многие из них имеют военные

расходы гораздо ниже. Существенно ниже российских и военные расходы в странах БРИКС: в Индии – 2,5% ВВП, в Китае – 1,7%, в Бразилии – 1,3%.

К факторам, влияющим на рост экономики, относится объем расходов федерального бюджета и крупных компаний с государственным участием на инфраструктурные мегaproекты. Такие проекты, безусловно, благотворно влияют на макроэкономику, однако их слабым местом является непрозрачность. Им свойственны две черты – неопределенность в оценке затрат и результатов, а также неравенство между всеми заинтересованными сторонами. Успех легко предсказуем – он на стороне достаточно узкой группы, как правило, это ведомство-заказчик, потенциальные подрядчики, регионы, где будет реализован проект. Противники проекта нередко лишены даже права голоса.

– Поэтому вероятность принятия неэффективного с точки зрения общественных интересов проекта довольно высока, – говорит Сергей Игнатьев. – Эту практику нужно менять. А именно: проводить такие проекты через жесткую публичную экспертизу с участием независимых экспертов, экспертного сообщества.

Также важно повысить эффективность выполнения государством своих функций по регулированию экономики. При этом правительство должно проводить жесткую бюджетную политику с целевым дефицитом федерального бюджета не более 1% ВВП и предельным отношением госдолга к ВВП не более 15–20%. Предложения о том, чтобы в интересах экономического роста резко стимулировать кредитную активность российских банков или манипулировать курсом рубля, Сергей Игнатьев не разделяет.

– Если изменить структуру расходов бюджета в пользу направленных на экономическое развитие, обеспечить жесткую публичную экспертизу крупных инвестиционных проектов, улучшить государственное регулирование экономики, то можно повысить среднегодовые темпы экономического роста до 3,5%, – заключил председатель Наблюдательного совета Сбербанка.

Ирина Кравцова

Фото пресс-службы Леонтьевского центра